

I. В прошлом

Урожай

Жар от гудрона как будто застрял меж густых изгородей — они возвышались над головами, точно крепостные стены.

— Давит, — сказала мать; они тоже как будто застряли. — Как лабиринт в Хэмптон-Корт¹, — сказала она. — Помните?

— Да, — сказала Джессика.

— Нет, — сказала Джоанна.

— Ты совсем маленькая была, — сказала мать Джоанне. — Как Джозеф.

Джессике было восемь, Джоанне шесть.

Дорожка (они называли ее «переулок») извивалась туда-сюда — не разглядишь, что там впереди. Приходилось держать собаку на поводке и жаться к изгородям — а то «вдруг появится» машина. Джессика была старшая, и собачий поводок всякий раз доставался ей. Она только и делала, что дрессировала собаку — «К ноге!», и «Сидеть!», и «Ко мне!». Мать говорила, не мешало бы Джессике поучиться у собаки послушанию. Джессика вечно была за главную. Мать говорила Джоанне: «Неплохо бы думать

¹ Хэмптон-Корт — королевский дворец в лондонском предместье Ричмонд-на-Темзе, загородная резиденция английских королей в 1529–1760 гг., с 1838 г. открыт для публики. Лабиринт в Хэмптон-Корт был создан в 1690-х гг. по заказу Вильгельма III, принца Оранского. — *Здесь и далее прим. перев. Переводчик благодарит за поддержку Бориса Грызюнова.*

самой. Умей постоять за себя, своей головой думай», но своей головой Джоанна думать не хотела.

Автобус ссадил их на шоссе и поехал себе дальше. Выйти из автобуса всем семейством — ужас какая «морока». Мать держала Джозефа под мышкой, как сверток с покупками, а другой рукой с трудом раскладывала навороченную коляску. Джессика и Джоанна сообща выволакивали из автобуса покупки. Пес справлялся сам.

— Никто никогда не помогает, — сказала мать. — Замечаете?

Они замечали.

— Блядская сельская идиллия, спасибо вашему папочке, — сказала мать, когда автобус отбыл в голубых дымах выхлопа и жара. — И не смейте материться, — машинально прибавила она. — Материться можно только мне.

Машины у них больше не было. В ней уехал отец («ублюдок»). Отец писал книги, «романы». Однажды снял книжку с полки и показал Джоанне, ткнул в свою фотографию на задней обложке и сказал:

— Это я, — но прочесть не разрешил, хотя Джоанна уже хорошо умела. («Не сейчас, попозже. Боюсь, я пишу для взрослых, — засмеялся он. — Там есть такое, ну...»)

Их отца звали Говард Мейсон, а мать — Габриэлла. Иногда люди радовались, улыбались отцу, уточняли: «Тот самый Говард Мейсон?» (А иногда, без улыбки: «Этот Говард Мейсон», — это значило другое, но Джоанна не очень понимала, в чем разница.)

Мать говорила, что отец выдернул их с корнем и пересадил «в какую-то глушь».

— Точнее, в Девон, под каковым именем эта глушь обычно фигурирует, — отвечал отец. Он говорил, что ему нужно «пространство для творчества», а им всем полезно «пообщаться с природой». — Никакого телевизора! — сказал он, как будто их порадовать хотел.

Джоанна по-прежнему скучала по школе, по друзьям, по «Чудо-женщине»¹ и по дому на улице, где можно дойти до лавки, купить «Потеху»², и лакричную палочку, и яблоки, которые бывают трех сортов, а не тащиться по переулку, потом по дороге, потом на двух автобусах, а потом все то же самое, только наоборот.

Переехав в Девон, отец первым делом купил шесть рыжих кур и целый улей пчел. Всю осень копался в огороде перед домом — «готовился к весне». После дождя огород превращался в сплошную слякоть, и она заползала в дом — даже на простыни. Пришла зима, лиса пожрала кур, которые так и не снесли ни яичка, а все пчелы померзли, что вообще неслыханно, сказал их отец, а потом прибавил, что все это впишет в свою книгу («роман»).

— Ну, значит, не зря мы страдали, — сказала мать.

Отец писал за кухонным столом, потому что хоть чуточку тепло было только в кухне — спасибо гигантской и темпераментной плите «Ага», которая, говорила мать, «ее в гроб загонит».

— Жду не дождусь, — бормотал отец. (С книгой у него не ладилось.)

Отец всеми помыкал, даже матерью.

— От тебя сажей несет, — говорил ей отец. — А еще капустой и молоком.

— А от тебя неудачей, — отвечала мать.

Раньше она пахла интересно — краской, скипидаром, табаком, духами «Je Reviens», которые отец покупал ей еще в те времена, когда она была семнадцатилетней «католической школьницей»; они означали «я вернусь» —

¹ «Чудо-женщина» (*Wonder Woman*, с 1941 г.) — серия комиксов компании «DC Comics»; создатель персонажа и автор первых выпусков — психолог и изобретатель феминист Чарлз Моултон (Уильям Моултон Марстон, 1893–1947).

² «Потеха» (*The Beano*, с 1938 г.) — журнал детских комиксов компании «D. C. Thomson & Co».

это было ей послание. Отец говорил, что мать была «красоткой», а мать говорила, что «художницей», но с тех пор, как они переехали в Девон, она ни разу не рисовала.

— Два творческих таланта в один брак не влезут, — говорила она эдак по-своему, воздев брови и вдыхая дым сигарилл.

Она их называла «сигарийи», как иностранка. В детстве она много где побывала и когда-нибудь отвезет туда детей. У нее горячая кровь, говорила мать, не то что у отца — он вообще рептилия. Мать была умная, и смешная, и умела удивлять, и совсем не походила на других матерей.

— Экзотическая, — говорил их отец.

Спор о том, кто чем пахнет, по всей видимости, еще не закончился, потому что мать схватила с серванта бело-синий полосатый кувшин и метнула в отца. Отец сидел за столом и глядел на пишмашинку, как будто слова напишутся сами, если потерпеть. Кувшин ударил его в висок, и отец взревел от боли и неожиданности. Джессика выдернула Джозефа из детского стульчика — стремительно, Джоанне оставалось только восхищаться, — и сказала Джоанне:

— Пошли.

И они пошли наверх и стали щекотать Джозефа на двуспальной кровати, где обе и ночевали. В спальне не топили, и кровать была завалена стегаными одеялами и старыми материнскими пальто. В конце концов все трое уснули, уютившись в запахах сырости, нафталина и «Je Reviens».

Проснувшись, Джоанна увидела, что Джессика сидит, опираясь на подушки, в перчатках, мохнатых наушниках и в пальто, как будто в палатке. Джессика читала, светя в книжку фонариком.

— Электричество вырубili, — пояснила она, не отводя глаз от книжки.

За стеной слышалось ужасное звериное сопенье — значит, родители опять помирились. Джессика молча протя-

нула Джоанне наушники, чтоб сестре не пришлось слушать.

Когда наконец наступила весна, отец не стал разводить огород, а уехал в Лондон и поселился со «своей другой женщиной», сильно удивив Джоанну и Джессику, но, видимо, ни капли не удивив их мать. Другую женщину отца звали Мартина — *поэтесса*; мать выплевывала это слово как проклятие. Она обзывала другую женщину (*поэтессу*) такими словами, что, когда сестры набирались храбрости шептать их друг другу под одеялом (*сука-низда-шлюха-поэтесса*), слова отравляли самый воздух.

Теперь в браке мать осталась одна, но все равно не рисовала.

Они шагали по переулку гуськом — «как индейцы», сказала мать. Полиэтиленовые пакеты висели на ручках коляски, и, если мать отпускала ручки, коляска заваливалась назад.

— Мы прямо вылитые беженцы, — сказала мать. — Однако мы не падаем духом, — бодро прибавила она.

К концу лета — «как раз к школе» — они переедут в город.

— Слава тебе господи, — сказала Джессика, совсем как мать.

Джозеф спал в коляске, открыв рот, и в груди у него похрипывало — простудился, никак не оклемается. Он так вспотел, что мать раздела его до подгузника, и Джессика обдувала Джозефу ребрышки, чтоб остыл, а мать сказала:

— Только не разбуди.

Попахивало навозом и подгнившей травой, а от запаха бутеня Джоанна расчихалась.

— Не повезло, — сказала мать. — Мои аллергии достались тебе.

Материны темные волосы и бледная кожа достались «красавчику» Джозефу, зеленые глаза и «руки художницы» — Джессике. Джоанне отошли аллергии. Не повезло.

У Джозефа с матерью и день рождения один, — правда, у Джозефа еще не было дней рождения. Через неделю будет первый.

— Это особенный день рождения, — сказала мать; а Джоанна думала, все дни рождения особенные.

Мать надела любимое Джоаннино платье, голубое с красными клубничинами. Мать говорила, оно старое и следующим летом она его раскроит и, если Джоанна захочет, сошьет ей что-нибудь. Джоанна видела, как движутся мускулы материных загорелых ног — мать толкала коляску в горку. Мать была сильная. «Яростная», — говорил отец. Джоанне нравилось это слово. Джессика тоже была яростная. А Джозеф пока никакой. Младенец и младенец, толстый и довольный. Джозефу нравились овсянка, и банановое пюре, и бумажные птицы над кроваткой — мобиль, который смастерила мать. Джозефу нравилось, когда сестры его щекочут. Сестры ему тоже нравились.

У Джоанны по спине тек пот. Поношенное ситцевое платье липло к коже. Платье досталось от Джессики.

— Честная бедность, — смеялась мать.

Когда она смеялась, крупный рот у нее становился как перевернутый месяц — даже если она счастлива, ни за что не догадаешься. Все, что было у Джоанны, досталось ей от Джессики. Как будто без Джессики не было бы никакой Джоанны. Джоанна заполняла пустоты, которые оставляла за собой Джессика.

За изгородью замычала невидимая корова, и Джоанна подскочила.

— Просто корова, — сказала мать.

— Красные девонские, — сказала Джессика, хотя коров не видела.

Откуда она знает? Она всегда знает, как что называется, видимое и невидимое. А Джоанна — она будет когда-нибудь столько знать?

Сначала идешь по переулку, а потом в деревянные ворота с перелазом. Через перелаз коляску не протацишь —

приходится открывать ворота. Джессика спустила собаку с поводка, и пес вскарабкался на ворота и перемахнул на ту сторону, как его Джессика научила. Табличка гласила: «Пожалуйста, закрывайте ворота за собой». Джессика всегда убегала вперед и отодвигала запор, а потом они с Джоанной толкали ворота и качались. Мать тягала и пи-хала коляску: зимняя слякоть высохла и колеса застре-вали в колдобинах. Чтобы закрыть ворота, сестры тоже качались. Джессика проверяла запор. Иногда они висели на воротах вниз головой, и их волосы доставали до самой земли, точно метлы, и мать говорила:

— Перестаньте.

Тропа шла по кромке поля.

— Пшеница, — сказала Джессика.

Пшеница была высокая, но не такая, как изгороди в пе-реулке.

— Скоро будут собирать урожай, — сказала мать. — Жать пшеницу, — прибавила она специально для Джоан-ны. — А мы с тобой будем чихать и хрипеть.

Джоанна уже хрипела — в груди свистел воздух.

Пес ринулся в поле и пропал. Секунда — и он опять выпрыгнул из пшеницы. На той неделе Джоанна побежа-ла за ним, заблудилась в поле, и ее очень долго никто не мог найти. Она слышала, как ее зовут и уходят все даль-ше. Никто не слышал, как она отвечала. Разыскал ее пес.

На полдороге они остановились в тени деревьев у тро-пинки, сели на траву. Мать сняла пакеты с коляски и до-стала апельсиновый сок и коробку шоколадного печенья. Сок был теплый, а шоколадное печенье слиплось. Они дали печенье собаке. Мать засмеялась — перевернулся рот — и сказала:

— Господи, ну и бардак, — заглянула в сумку с детски-ми причиндалами, нашла чем вытереть сестрам руки и гу-бы, вымазанные шоколадом.

В Лондоне они устраивали настоящие пикники, грузи-ли в багажник большую плетеную корзину, доставшуюся

матери от матери, которая была богатая, но уже умерла (хотя оно, видимо, и к лучшему, потому что ей не довелось увидеть, как ее единственная дочь выходит замуж за эгоистичного похотливого бездельника). Если бабушка была богатая, почему же у них нету денег?

— Я сбежала, — объяснила мать. — Улизнула, чтоб выйти замуж за вашего отца. Очень романтично. Было. Ни гроша за душой.

— Зато у тебя была корзинка для пикников, — отметила Джессика, а мать засмеялась:

— Знаешь, иногда ты ужасно смешная.

И Джессика ответила:

— Знаю.

Проснулся Джозеф, и мать его покормила, расстегнув спереди клубничное платье. Джозеф так и уснул, присосавшись.

— Бедный ягненок, — сказала мать. — Из простуды никак не выкарабкается. — Она положила его в коляску и прибавила: — Так. Пошли домой. Включим садовый шланг, и вы освежитесь.

Он возник как будто из ниоткуда. Они его заметили, потому что собака зарычала, странно забулькала горлом, — Джоанна никогда не слышала, чтобы пес так говорил.

Он шел к ним очень быстро, становился все больше. И эдак смешно сопел и отдувался. Скорее всего, пройдет мимо и скажет: «Добрый день» — или там: «Привет» — люди всегда так говорят, если встречаешь их в переулке или на тропе. Мать к ним обращалась: «Чудесный денек» — или там: «Жарко сегодня, а?» — но этому человеку ничего не сказала. Зашагала быстро, изо всех сил толкая коляску. Покупки остались на траве, и Джоанна хотела поднять один пакет, но мать сказала:

— Оставь.

Что-то в голосе ее, в ее лице испугало Джоанну. Джессика схватила сестру за руку и сказала:

— Быстрее, — резко, по-взрослому.

Джоанна вспомнила, как мать швырнула в отца бело-синий полосатый кувшин.

Человек шел теперь туда же, куда они, рядом с матерью. Мать шагала очень быстро и твердила им:

— Скорее, скорее же, не отставайте. — Она словно задыхалась.

Потом пес кинулся человеку наперерез, залаял, запрыгал, словно пытался преградить ему дорогу. И внезапно человек пнул пса, и тот взлетел и приземлился где-то в пшенице. Им не было видно, но они слышали ужасный скулеж. Джессика встала перед человеком и что-то закричала, тыча пальцем, ловя ртом воздух, как будто не могла дышать, а потом помчалась в поле за собакой.

Дело было плохо. Спору нет.

Джоанна всматривалась в пшеницу, пытаясь разглядеть, куда подевались Джессика и собака, и не сразу заметила, что мать дерется с этим человеком, бьет его кулаками. Но у человека был нож, человек все время его поднимал, и нож вспыхивал серебром под жарким солнцем. Мать закричала. Все лицо в крови, и руки, и сильные ноги, и клубничное платье. И тут Джоанна сообразила, что мать кричит не на человека, мать кричит на нее.

Мать зарезали тут же — большой серебряный нож вонзился ей в сердце, точно мясницкий тесак в коровью тушу. Матери было тридцать шесть лет.

Видимо, этот человек и Джессику успел пырнуть, потому что за ней тянулся кровавый след, тропка, что привела их к ней, но не сразу, потому что сначала пшеничное поле укрыло ее золотым одеялом. Она лежала, обняв тело пса, их кровь перемешалась и утекла в сухую землю,

питая зерно, — жертвоприношение урожаю. Джозеф умер на месте, пристегнутый к коляске. Джоанне хотелось думать, что он так и не проснулся, но она не знала наверняка.

А Джоанна... Мать закричала на нее, и Джоанна послушалась.

— Беги, Джоанна, беги! — закричала мать, и Джоанна побежала в поле и заблудилась в пшенице.

Потом, когда уже стемнело, ее нашли другие собаки. Незнакомый человек взял ее на руки и унес.

— Ни царапинки, — услышала она; над головой в холодном черном небе ослепительно сияли луна и звезды.

Надо было, конечно, схватить Джозефа, выдернуть его из коляски или побежать с коляской (Джессика бы так и поступила). И не важно, что Джоанне было всего шесть лет, что с коляской она бы недалеко убежала, что тот человек поймал бы ее за три секунды, — не в этом дело. Лучше попытаться спасти малыша и погибнуть, чем не попытаться и выжить. Лучше умереть вместе с Джессикой и матерью, чем остаться без них. Но она об этом не подумала — она просто сделала, что велели.

— Беги, Джоанна, беги! — велела мать; и Джоанна побежала.

Странно: теперь, тридцать лет спустя, больше всего ее бесило, что она забыла, как звали собаку. А спросить уже некого.

II. Сегодня

Плоть и кровь

Лужок тянулся по всей деревне, и его пересекала узкая дорога. На лужок смотрела начальная школа. Лужок был не квадратный, как он воображал, и пруда с утками там тоже не нашлось. Одно, казалось бы, графство — надо бы знать окрестности, но нет, Китсовы чужие поля¹. Йоркширские долины он знал понаслышке, из телевизора и кино, — то «Эммердейл»² мелькнет, то случится полуобморочная ночь на диване под «Девушек с календаря»³ по кабельному.

Тихо сегодня — среда, утро, начало декабря. Посреди лужка воздвигли рождественскую елку, но она пребывала первоначально голой — ни игрушек, ни огней.

В последний (он же первый) раз он заезжал присмотреться к деревне в воскресенье после обеда, в разгар лета, и все здесь гудело: туристы пиروвали на траве, вокруг носились малыши, старики посиживали на лавочках, и все

¹ Аллюзия на «Оду соловью» (1819) английского поэта Джона Китса (1795–1821). Пер. Е. Витковского.

² «Эммердейл» (*Emmerdale*) — долгоиграющая (с 1972 г. по сей день) британская мыльная опера о жизни одноименной деревни в Западном Йоркшире.

³ «Девушки с календаря» (*Calendar Girls*, 2003) — фильм британского режиссера Найджела Коула, основанный на подлинной истории нескольких жительниц йоркширского городка: чтобы собрать деньги на исследования лейкемии, дамы не первой молодости выпустили календарь, для которого снимались обнаженными в домашней обстановке.

поголовно лизали мороженое. На краю лужка была какая-то песочница, где люди — местные, не туристы, — играли в некое подобие серсо — метали большие кованые кольца, тяжелые, как лошадиные подковы. Он и не думал, что люди еще так чудят. Вот ведь нелепица. Чистое средневековье. На лужке у креста рыночной площади до сих пор стоял позорный столб и, как сообщал путеводитель, предполагалось «бычье кольцо». Он припомнил одноименный торговый центр в Бирмингеме, но потом прочел дальше: оказалось, у бычьего кольца собаками травили быков¹. Он решил (понадеялся), что позорный столб и кольцо — истории ради, для туристов, и больше не используются. Люди ехали в деревню на машинах — погулять и отдохнуть. Он-то нет. Он где стоит, оттуда и гуляет.

Он спрятался за номером «Дарлингтон энд Стоктон таймс», прочел рекламу похоронных бюро, малярных работ и подержанных машин. Центральная газета была бы подозрительнее, хотя и эту, местную, он купил в Хозе, а не в деревенской лавке — зачем лишний раз привлекать к себе внимание? У местных радар настроен на левых чужаков. Наверняка что ни лето — плетеного человека жгут².

В прошлый раз у него была роскошная тачка; сейчас он замаскировался получше, приехал на заляпанном грязью «дискавери» из проката, надел горные ботинки и куртку «Норт фэйс» на флисе, а на шею повесил карту Кар-

¹ У названия торгового центра «Бычье кольцо» (*Bull Ring*) в Бирмингеме та же этимология: оно происходит от железного кольца на рыночной площади — к нему привязывали быков, которых травили собаками перед забоем.

² В традиционной практике кельтских язычников большую плетеную клетку в виде человека сжигали в качестве жертвоприношения богам (древние друиды запирали внутри человеческую жертву; современные неоязычники от жертв воздерживаются). В 1973 г. британский режиссер Робин Харди снял фильм ужасов «Плетеный человек» (*The Wicker Man*) с Эдвардом Вудвардом в главной роли, а в 2006 г. американский режиссер Нил Лабьют поставил римейк, в котором главную роль сыграл Николас Кейдж.

тографического управления в пластиковом чехле, тоже купленную в Хозе. Он бы и собаку взял, если б их давали напрокат, и тогда стал бы копией любого другого туриста. Как это так — негде арендовать собаку? Вот какая ниша на рынке пустует.

Он приехал на прокатной машине со станции. Он бы ехал в собственной роскошной тачке всю дорогу, но когда сел и повернул зажигание, обнаружилось, что машина не подает признаков жизни. Поломалось что-то непостижимое — наверное, электроника, решил он. Теперь в гараже Уолтэмстоу машину выхаживал поляк по имени Эмиль, у которого был доступ (какой славный эвфемизм) к подлинным запчастям «БМВ» вдвое дешевле, чем у официальных поставщиков.

Он глянул на часы — золотой «Брайтлинг», дорогой подарок. Время высшей марки. Ему нравились мужские примочки — машины, ножи, гаджеты, часы, — но вряд ли он потратил бы на часы столько денег.

«Дареному коню в зубы не смотрят», — улыбнулась она, когда их вручала.

— Да что ж такое, ну скорей же, — пробормотал он и боднул руль — легонько, не хватало еще, чтоб заборачивались прохожие.

Маскировка — это да, но он понимал: если долго ошибаться в крошечной деревне, рано или поздно кто-нибудь начнет любопытствовать. Он вздохнул и посмотрел на часы. Подождем еще десять минут.

Через девять минут и тридцать секунд (он считал — а чем еще заняться? Только стоять при часах на часах) из школы выбежал авангард — два мальчика, две девочки. Они притащили сетки и блестяще отработанным маневром возвели на лужке футбольные ворота. Видимо, лужок был школе вместо игровой площадки. Каково учиться в такой школе, он и представить себе не мог. Его-то «началка» была выгребной ямой — денег слишком мало, народу слишком много, и куда ни плюнь цвел социальный

дарвинизм. Выживание быстреего. И это еще были плюсы образования. Настоящее образование, когда он взаправду сидел в классе и чему-то учился, ему обеспечила армия.

Ручеек детей в физкультурной форме вытек из школы и речной дельтой разлился по лужку. Потом вышли два учителя, стали раздавать футбольные мячи из корзины. Он считал детей, пока они выходили, — двадцать семь. Самые маленькие вышли последними.

Потом появились дошколята — их-то он и ждал. По средам и пятницам они занимались в пристройке на задках школы. Натан, едва ли не самый крошечный, ковылял вместе со всеми, держась за руку девочки много старше его. Натан. Отнюдь не титан. Его упаковали в какой-то комбинезон «все в одном». Темные глаза, черные кудряшки — достались от матери, тут возразить нечего. Курносый носик. Порядок — матери Натана нет, уехала к сестре, у которой рак груди. Его здесь никто не знает. Чужак в чужой стране. Мистера Футы-Нуты, Липового Папаши, не видать.

Он вылез из машины, прошелся туда-сюда, сверился с картой. Огляделся, словно только что приехал. Отсюда слышен водопад. Не видно из деревни, зато слышно. Тёрнер его рисовал¹, если верить путеводителю. Он побрел наискось по краю лужка, якобы к пешеходной тропе, — тропы тут змеились повсюду, уводили прочь из деревни. Остановился, сделал вид, будто смотрит в карту, бочком подобрался ближе к детям.

Старшие разминались, кидали и пинали мяч друг другу. Кое-кто тренировал удары головой. Натан с девочкой из малышей группы пытался гонять мяч. Упал — ноги заплелись. Два года и три месяца. Лицо сосредоточенно

¹ Речь идет об английском пейзажисте-романтике Джозефе Мэллорде Уильяме Тёрнере (1775–1851), который много времени проводил в Йоркшире и писал его на протяжении всей жизни.

сморщено. Ранимо. Схватить Натана под мышку, добежать до машины, кинуть его на заднее сиденье и уехать — никто и моргнуть не успеет. А полиция сколько будет ображать? Да вечно, вот сколько.

Мяч подкатился к нему. Он поднял, улыбнулся Натану:
— Твой, сынок?

Натан застенчиво кивнул, и он протянул ребенку мяч как наживку — ну иди же ко мне. Едва Натан приблизился, он одной рукой отдал мяч, а другой коснулся детской головки, вроде как волосы мальчику взъерошил. Натан шарахнулся, точно его ошпарили. Девочка из малышей группы схватила мяч и за руку потащила Натана прочь, злобно косясь через плечо. Мамаши и училки обернулись к нему, но он рассматривал карту, якобы ничего вокруг не замечая.

Подошла одна мамаша, на лице сияет приклеенная вежливая улыбка:

— Вам помочь? — На самом деле она имела в виду: «Если тронешь любого из этих детей, я измолочу тебя в кашу голыми руками».

— Извините, — сказал он, включая обаяние. Порой оно удивляло и его самого. — Я слегка заблудился.

Женщин всегда потрясает, если мужик признается, что заблудился, — они тают сей же момент. («Для оплодотворения яйцеклетки нужно двадцать пять миллионов сперматозоидов, — говаривала его жена, — потому что из них лишь один догадается спросить, куда же ему идти».)

Он беспомощно пожал плечами:

— Водопад — это где?

— Вон туда. — И она показала ему за спину.

— Ах вот оно что, — сказал он. — Я, видимо, карту вверх ногами держал. Ну ладно, спасибо вам, — прибавил он и зашагал к водопаду, не дав ей времени ответить.

Минут десять надо потянуть. Подозрительно будет, если он сразу вернется к машине.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. В ПРОШЛОМ	9
Урожай	11
II. СЕГОДНЯ	21
Плоть и кровь	23
Жизнь и похождения Реджи Дич, правдивое повествование об удачах, неудачах, взлетах, падениях и полной истории семейства Дич	28
Ad Augusta per Augusta	62
Сама купит цветы	71
Убежище	88
На Ужасный мост взойдешь	96
Satis дом	108
К вознесению подготовлен	121
Скромное обаяние буржуазии	127
Станный у нас мирок	147
Град небесный	148
III. ЗАВТРА	151
Брошенные псы	153
Лежал Адам, окован	167
Изгой	170
Знаменитая Реджи	181
Пропал без вести	189
Реджи Дич, девочка-детектив	193
Путешествие пилигрима	206
«Пожилая тетя»	207

Nada y pues nada	221
Ad lucem.....	226
Fiat Lux	228
Опасность из могилы	233
IV. ПОСЛЕ ЗАВТРА	237
Джексон восставший.....	239
Доктор Фостер отправился в Глостер.....	255
Хорошего человека найти нелегко	260
Пребуди со мной	274
Реджи Дич, дева-воительница	278
Джексон покидает здание	287
V. ЗАТЕМ ОПЯТЬ ЗАВТРА	291
Блудная жена	293
Arma virumque capo	312
Экскурсия	325
Скорби	335
Ровно в полдень	338
La Règle du Jeu.....	344
Там, где чисто, светло	349
Милая женушка, славный малыш	354
Большие надежды	357
VI. РОЖДЕСТВО	365
Щеночек только на Рождество	367
Ах, солнечный восход, олений бег по лесу	373
Да осенит нас всех Господь Бог своею милостью	377
Все под кровом собрались	377
Скаут, вот как.....	380